

**СПЕЦИФИКА РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА В РОССИИ И ТУРЦИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ¹**

Сериков Антон Владимирович	кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: aserikov@inbox.ru
Венцель Сергей Владимирович	магистр зарубежного регионоведения, младший научный сотрудник, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: wenzel.sergei1994@yandex.ru
Сальников Артём Владимирович	магистр зарубежного регионоведения, стажер-исследователь, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: artem.salnikov.94@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются современная ситуация вокруг фундаментальных течений ислама. Современный мир, включая Россию, Турцию и европейские страны, сталкиваются с проблемами роста исламского радикализма. В статье отражены основные причины радикализации молодых мусульман. Отдельное внимание уделяется вопросу распространения радикальных течений в тюрьмах. Также в статье отражены причины распространения исламского фундаментализма и его текущее положение в России и Турции.

Ключевые слова: исламизм, радикализация, тюрьма, Партия справедливости и развития, религиозная идентичность, салафиты, ваххабиты, радикальные исламисты, терроризм.

Исламизм представляет собой крайнюю форму процесса политизации ислама и не является тождественным последнему понятию. Между ними имеется мощная связь, но идеологемы радикальных исламистов базируются на возникшем в аравийских пустынях течении ваххабизма. Данное учение базируется на двух важных столпах – джихаде и такфире. К неверным и отступникам от истинной веры представители радикального ислама относятся достаточно просто: такое отношение основано на радикальной форме антагонизма, которую выразил главный идеолог египетских братьев-мусульман С. Кутб: «на Земле существуют лишь две партии: партия Аллаха и партия шайтана» [1]. Причем данный проповедник христианские и иудейские общества отнес к языческим. Также радикальные исламисты совершенно по-другому подходят к концепции джихада. Традиционные богословы и официальные имамы делят джихад на «большой» – борьба за самоусовершенствование мусульманина и уммы; и «малый» – газават или борьба с помощью меча. При этом газават должен вестись согласно установленным правилам поведения во время военных действий. Такфириты-джихадисты категорически отрицают такие правила и признают только полную победу над кафирами. Сама аргументация радикальных исламистов основана часто на собственных трактовках или цитатах, вырванных из Корана или Сунны в отрыве от общего смысла и подкрепленных трудами салафитов прошлых времен.

Директор Института востоковедения РАН профессор Виталий Наумкин отметил, что радикальный исламизм привлекает молодежь, которая не имеет практически никаких возможностей и социальных лифтов для самореализации. Именно поэтому исламизм для таких людей становится реальной и единственной альтернативой глобальному существующему миропорядку, в котором такие молодые люди не могут занять своего собственного места [2].

Тяжелая социально-экономическая ситуация в регионе является одной из ключевых причин распространения радикального исламизма. Фундаменталистский салафизм является одной из ветвей радикального ислама, проникающий при финансовой поддержке некоторых стран (в первую очередь, Саудовской Аравии) в неблагополучные регионы мира. Достаточно интересной является ситуация на Балканах, куда радикальные течения стали просачиваться в годы югославских войн.

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ № 16-33-01131-ОГН «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе».

Боснийский политолог и эксперт по религиозному экстремизму Владо Азинович в своей книге «Между душеспасением и террором: радикализация и феномен наемников на Балканах» подчеркивает, что именно балканские страны с мусульманским большинством рассматриваются аналитиками в качестве благодатной почвы для распространения насильственного религиозного экстремизма. Несмотря на то, что радикальные интерпретации ислама являются чуждыми для подавляющего большинства местного населения, была предпринята попытка распространить салафитское течение для отторжения этнической идентичности у босняков и албанцев, поскольку именно эта идентичность с многовековыми традициями толерантности и относительно мирного сосуществования с другими религиями становилась препятствием для включения этих народов в умму. Помимо этого, руководство Боснии очень долго позволяло ближневосточным некоммерческим организациям финансировать строительство мечетей и медресе, а также обучение и стажировки молодых босняков в Саудовской Аравии, откуда они возвращались с нетипичными для своего родного региона представлениями об исламе. Помимо этого, арабские инвесторы приобретают недвижимость на территории Боснии и Герцеговины, и на территории этих участков вход разрешен только арабам, что вызывает неприятие и отторжение у местного населения. Сюда необходимо прибавить последствия миграционного кризиса в Европе, что вновь превращает Балканы и особенно Боснию потенциально в одно из самых взрывоопасных мест в Европе [3].

Многие европейские страны столкнулись с еще одной проблемой, связанной с распространением радикального исламизма среди своих граждан. А именно – как предотвратить проникновение таких течений в армейские структуры. С подобной проблемой постоянно сталкивается ФРГ. После инцидента с проходившим срочную военную службу на базе ВВС в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия Даниэлем Б. было решено внести новые поправки в немецкий закон о военнослужащих для предотвращения допуска к оружию потенциальных экстремистов. Служба военной контрразведки (MAD) после проведенного расследования признала его радикальным салафитом. Новые поправки позволят сотрудникам немецкой военной контрразведки проверять всех отобранных для службы в бундесвере кандидатов на предмет религиозного экстремизма (до внесенных поправок контрразведка требовала только справку об отсутствии судимости и подтверждение готовности соблюдать Grundgesetz – Основной закон ФРГ).

Местом быстрого распространения исламского экстремизма является тюрьма. С данным феноменом столкнулись многие европейские страны, в частности Германия и Франция. Профессор высшей полицейской школы в г. Мюнстер (ФРГ) Йоахим Керстен подчеркнул, что механизм проникновения радикального исламизма в места лишения свободы достаточно прост. Поскольку салафиты организуют всестороннюю поддержку верующим заключенным, в том числе материальную и юридическую. Также салафиты выполняют функцию контроля – а именно, следят за тем, чтобы отбывающие срок исламисты не отделились от веры. Кроме того, оказывается всесторонняя поддержка для радикализации сокамерников, которые в большинстве своем очень восприимчивы к пропаганде. Поэтому немецкие правоохранительные органы начали оказывать противодействие салафитских проповедникам, посылая в качестве духовных наставников в те же колонии для несовершеннолетних (места наибольшего риска «заражения») представителей мечетей, которым доверяет полиция [4]. В тюрьмах Франции, Великобритании, США, Италии и других западных стран отмечается достаточно опасная тенденция стабильного увеличения количества людей, следующих радикальной исламистской идеологии. Особую опасность для властей и руководства тюрем, в частности, представляют так называемые неофиты – новообращенные в ислам уже в тюрьме. Тем самым неофиты проявляют двойное усердие в поиске новых неофитов для доказательства верности своей новой религии. Число отбывающих наказание в европейских тюрьмах мусульман говорит само за себя.

Французский социолог и один из руководителей парижской EHESS (Школы углубленных исследований социальных наук) Фархад Хосрохавар в своей работе «Когда "Аль-Каида" говорит. Свидетельства из-за решетки» отмечает, что от 50 до 80% французских заключенных – мусульмане, в то время как число мусульман в стране составляет 7-8%. Подавляющее большинство мусульман – молодые люди от 20-30 лет, безработные. Вот лишь несколько цитат из его книги, где собраны интервью более 160 исламистов-заключенных [5]:

- Усман, иранец, преподаватель университета, говорит: «Ислам дал мне самоуважение, и я знаю, что Запад воплощает в себе порок и прелюбодеяние, моральный упадок и империализм»;

- Алжирец Мухаммед уверен: «Мусульмане должны защищаться. Долгое время они были пассивными. Империализм, колониализм и теперь Америка стали доминировать, и мусульмане не реагировали. Если ничего не делать, вскоре ислам прекратит существование, он будет полностью подчинен. Спастись ислам надо сейчас или никогда».

В опубликованной в 2015 г. работе «Радикализация» Фархад Хосрохавар рассматривает новый тип радикализации молодых мусульман, особенно в контексте боевых действий в Сирии. В частности, автор полагает, что вступающий на радикальный путь человек представляется с трех основных сторон [6]:

- во-первых, как униженный человек. Будущий радикальный исламист может быть выходцем из британских, французских или германских гетто. Он будет обвинять систему в унижении и маргинализации;

- во-вторых, как жертва. Помимо внешнего гетто, где может проживать будущий радикальный исламист может проживать в своем собственном полувоображаемом гетто, где он является жертвой социально-экономического и политического расизма, где он не обладает той же совокупностью прав и возможностей, что и коренные европейцы;

- в-третьих, как член подвергшейся агрессии группы. Французский исследователь называет такую группу «нео-уммой» и он утверждает, что чувство принадлежности к такой группе позволяет человеку преодолеть последствия конструирования внутреннего гетто, результаты клеймения и представляет ему новую форма самосознания.

В Италии число заключенных-мусульман составляет 14%, в то время как все мусульмане составляют 1% численности населения страны. Поэтому тюрьмы становятся местом, которое для многих нелегальных мигрантов, в том числе и радикальных исламистов, более предпочтительно, чем возвращение на родину. При этом в тюрьмах катастрофически не хватает имамов из официальных мусульманских организаций, которые бы вели просветительскую работу с заключенными. Как следствие – молодые озлобленные люди, исповедующие ислам и, как правило, мигранты в первом или втором поколении, не сумевшие интегрироваться в западные общества – становятся очень удобной мишенью для радикальных проповедников.

С аналогичной проблемой роста радикального ислама в колониях столкнулись сотрудники Федеральной службы исполнения наказания (ФСИН) РФ. Особенно в регионах с немалым количеством мусульманского населения. Генеральный директор казанского Центра социальной реабилитации и адаптации осужденных Азат Гайнутдинов указал на несколько проблемных моментов в работе с бывшими осужденными [7]. Во-первых, официальные имамы часто отказываются взаимодействовать с осужденными после тюремного срока, особенно с теми, кто был осужден за экстремизм. Поэтому такие люди уже на свободе могут быстро стать жертвой радикально настроенных групп. Во-вторых, с радикальными экстремистами в тюрьме нужно не только бороться, но и работать. Поскольку таких экстремистов сознательно изолируют от всех (в частности, не пускают в мечети при колониях), что еще больше их озлобляет. Для нейтрализации угрозы радикального исламизма в тюрьмах и колониях ФСИН предложила мусульманскому духовенству совместно работать в данном ключе, поскольку сотрудники ФСИН еще до конца не понимают, как необходимо работать с проповедующими агрессивные формы ислама заключенными. Кроме того, на территории РФ существует много мусульманских организаций, работающих автономно, и часто сотрудники ФСИН не имеют представления, к какой конкретно мусульманской организации обращаться за помощью. Здесь следует отметить и то, что не все имамы официальных организаций имеют желание работать в тюрьмах. При том, что в российских тюрьмах усиливается тенденция формирования тюремных джамаатов, некоторые из которых становятся рассадниками радикального ислама. Причем количество мусульман в тюрьмах растет не только за счет тех, кого сажают, но и также за счет тех, кто принимает ислам уже в тюрьме в обмен на защиту и покровительство, в том числе от так называемых «черных зон» (где заключенные живут по так называемым «воровским понятиям»).

В России радикализация ислама произошла под действием совокупности внутренних и внешних факторов. Среди общих причин появления и распространения радикального ислама в нашей стране следует выделить такие, как: стремление исламских догматиков регламентировать общественную жизнь; нестабильная ситуация в преимущественно мусульманских регионах; выражение недовольства в религиозной форме, естественное для любого мусульманского социума; криминализация и коррупция государственных органов власти и местных органов. Значительную роль в радикализации ислама в России и на Северном Кавказе, в частности, сыграли образовательные центры салафитского толка, которые финансировались зарубежными исламскими фондами. К этому следует прибавить образовательные стажировки, которые организовывала Саудовская Аравия для будущих имамов Северного Кавказа и других регионов. Российский религиовед и эксперт по ваххабизму Раис Сулейманов в своем анализе распространения исламских радикальных джамаатов на территории Челябинской области пришел к выводу, что есть несколько причин распространения ваххабизма на территории Южного Урала [8]:

- во-первых, религиозное возрождение ислама в 1990-е гг. не позволило полностью понять суть привносимых извне нетрадиционных для российских мусульманских регионов версий ислама. На данный аспект накладывалось то, что в России на тот момент не было собственных подготовленных имамов, которые смогли бы предотвратить распространение ваххабизма;

- во-вторых, государственные органы власти фактически потеряли контроль над религиозной сферой жизни. Государство полностью самоустранилось, и местное исламское духовенство не смогло отразить напор проповедников ваххабизма;

- в-третьих, благодатной почвой для распространения ваххабизма стал раскол внутри южно-уральской уммы, в результате чего проповедники ваххабизма смогли переманить на свою сторону немало последователей;

- в-четвертых, благодатной почвой для распространения радикального исламизма стали волны массовой миграции из стран Центральной Азии. Немало трудовых мигрантов впоследствии стали последователями ваххабизма;

- в-пятых, отдельно российский эксперт Сулейманов выделяет роль русских неوفитов, которые после собственной радикализации более ожесточенно отстаивают идеи ваххабизма и ведут поиски новых сторонников.

В Турции радикализация ислама происходила и происходит не без влияния правящей элиты. Светский культ отца турецкой нации Мустафы Кемалю Ататюрку сменяется новым культом личности уже действующего президента Р. Эрдогана, партия которого (Партия справедливости и развития) никогда не скрывала своей приверженности консервативным ценностям и наследию ислама. До 2011 года руководство партии действовало крайне осторожно, поскольку возможность организации сопротивления со стороны светски настроенных кругов населения было еще возможно (особенно со стороны армии).

К примеру, в 2008 году ПСР смогла добиться отмены на ношение хиджаба в общественных местах. Тут важно отметить, что политика ПСР в отношении возрождения исламских ценностей была настолько осторожной и аккуратной, а главное – хорошо замаскированной под отстаивание демократических ценностей, что большинство европейских лидеров и представителей общественности долгое время весьма благосклонно относились к линии ПСР [9]. Однако после победы на парламентских выборах 2011 года партия Эрдогана приступила к достаточно агрессивной политике, начав с образования:

- во-первых, с 2012 года турецкие светские школы начали реорганизовываться с религиозные школы по подготовке имам-хатибов;

- во-вторых, турецкое руководство в качестве обязательного предмета в школе ввело курс «Культура религии и познания морали». Данная мера входило в противоречие с законом о государственных учебных заведениях (в законе прописывался исключительно светский характер школ);

- в-третьих, с 2014 года при турецких университетах стали активно строиться мечети под руководством DIYANET – Управления по делам религии;

- в-четвертых, после неудачного путча 2016 года государство предприняло попытку поставить под свой контроль молодых людей, поступающих на государственную службу. Теперь каждый кандидат обязан проходить специальное собеседование, цель которого – выяснить степень лояльности кандидатов правящему режиму, лично президенту и исламским нормам.

Однако власти Турции допустили ряд ошибок в попытках заигрывания с исламистскими радикалистами. Считая Сирию и Ирак зоной своих особых интересов, Анкара использовала радикальных исламистов для наращивания своего влияния. В данном аспекте ИГ стало рычагом реализации ее имперских планов и укрепления своих позиций на бывших «исторических территориях» Османской империи. Несмотря на использование определенной инфраструктуры в Турции, ИГ рассматривает ПСР и Эрдогана в качестве вероотступников, в отношении которых в будущем необходимо применять исключительно силовые меры [10].

Проблема противодействия терроризму и радикальному исламизму в Турции носит комплексный характер и достаточно противоречивый. Близость Турции к зонам боевых действий, где орудают религиозные фундаменталисты и фанатичные головорезы оборачивается террористической опасностью для самой Турции. Кроме того, Турция является транзитной страной, через которую идут человеческие ресурсы, пополняющие ряды террористов. Официально руководство страны провозгласило борьбу с террористами, которые несут опасность существованию государства. Однако все упирается в вопросы об идентификации террористов, поскольку наибольшими врагами для турецкой власти выступают не религиозные фундаменталисты из рядов ИГ, а курдские отряды самообороны в Сирии и Рабочая партия Курдистана в самой Турции. Кроме того, под предлогом борьбы с терроризмом, в том числе исламским фундаментализмом, турецкая власть уничтожает внутренних политических врагов.

В частности, именно так Эрдоган наступает на своего бывшего сподвижника Ф. Гюлена и его движение «Хизмет». Также руководство страны использует постоянно тезис о «разделенной нации» для убеждения общественности в том, что существование террористической угрозы внутри страны для воздействия на электорат.

Литература

1. Мухаммад бин Хусейн бин Саид аль-Суф-ран аль-Кахтани. Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий / пер. с араб. В. А. Ниршы. М., 2003.

2. Исламизм сегодня – это единственная глобальная альтернатива существующему миропорядку [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2016/02/26/исламизм-сегодня-это-единственная-гл/>
 3. Насколько велика угроза распространения исламизма на Балканах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/насколько-велика-угроза-распространения-исламизма-на-балканах/a-39068414>
 4. Исламский экстремизм: зона риска – тюрьма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/исламский-экстремизм-зона-риска-тюрьма/a-18201113>
 5. L'Islam dans les prisons, éd. Balland, coll. «Voix et regards », Paris, 2004, 284 p.
 6. Quand les djihadistes s'identifient à une communauté musulmane chaleureuse et mythiquement homogène pour se démarquer de la société froide dans laquelle ils vivent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atlantico.fr/node>
 7. Мусульмане в тюрьмах живут по своим законам. Воры им не власть [Электронный ресурс]. URL <https://lenta.ru/articles/2018/04/16/green>
 8. Исламистские радикальные джамааты на территории Челябинской области [Электронный ресурс]. URL <https://www.apn.ru/index.php?newsid=37434>
 9. Сериков А.В., Венцель С.В. Современные геополитические перспективы Турции в Европейском союзе // Caucasian Science Bridge. 2018 № 1 (1). С.12-25.
 10. Хопёрская Л.Л. «Исламское государство 2.0»: нарастающая угроза на евразийском пространстве // Caucasian Science Bridge. 2018 № 1 (1). С.49-64.
-

Serikov Anton Vladimirovich, PhD in sociology, associate Professor of theoretical sociology and methodology of regional studies, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).

E-mail: aserikov@inbox.ru

Ventsel Sergey Vladimirovich, master of foreign regional studies, junior researcher, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: wenzel.sergei1994@yandex.ru

Salnikov Artyom Vladimirovich, master of foreign regional studies, trainee-researcher, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: artem.salnikov.94@mail.ru

SPECIFICS OF RADICAL ISLAMISM IN RUSSIA AND TURKEY AT THE PRESENT STAGE

Abstract

The article analyzes the current situation around the fundamental trends of Islam. The modern world, including Russia, Turkey and European countries, is facing problems of growing Islamic radicalism. The article reflects the main reasons for the radicalization of young Muslims. Special attention is paid to the spread of radical movements in prisons. The article also reflects the reasons for the spread of Islamic fundamentalism and its current situation in Russia and Turkey.

Keywords: *Islamism, radicalization, prison, justice and development Party, religious identity, Salafis, Wahhabis, radical Islamists, terrorism.*